

ОГОНЬ*

Она положила ладонь на промежность и сжала. Расковырянные пальцами пальцы. Заусенцы цеплялись за джинсовую ткань и вытягивались вдоль ногтей красными кусочками. Все должно болеть, и все будет болеть. Она ударила себя там. И еще раз. Это оказалось чуть приятно. Она сдавила себя ногтями. Все должно болеть и будет болеть. Не сейчас так завтра. Не бояться и бить сильнее. За такое надо наказывать.

То есть сначала он просто исчез. Она решила, что они не так уж долго вместе, ну, около года, и он имеет право на личное пространство. Хотя на самом деле агонически саднило, что, наверное, он ее оставил. Но она училась переубеждать себя. Им же было классно вместе,

* Вдовый огонь — неожиданное, часто неконтролируемое сексуальное желание, возникающее после смерти партнера.

с чего бросать ее без предупреждения. Бывает, люди не отвечают на телефон целый день, диджитал детокс называется. «Все в порядке», — писала она на бумажке долго, и вниз текли буквы. Она поплакала. Он меня бросил, все ясно с ним, наигрался, а чего ждала, нельзя было раскрывать сердце со всем его мясом.

К ночи он все еще не отвечал, не был онлайн и не брал трубку. Гудок обрывался через тридцать секунд, и автоответчик женским голосом, живым, немеханическим, говорил: «Вам очень нужно связаться с абонентом?» (жалостливо), «К сожалению, он не отвечает. Попробуйте перезвонить позже» (на фоне шумят чужие голоса). По тому, каким натуральным был женский голос, она сделала вывод, что он с блядьми, и уснула, подавив нервную дрожь.

Утром, когда, по ее мнению, блядство сжигали солнечные лучи, все осталось по-прежнему. Она проснулась — в памяти не было снов. Первые секунды все бессознательно, жизнь, уютная простыня. А потом между грудей что-то завелось, позвякивая, ее окатило холодным потом, и начался день, где он все еще не вернулся. Она, не вставая, стала писать его друзьям. Набирала какие-то буквы, они путались, менялись местами, одни слова превращались в другие —

она не замечала и тыкала по сто раз на значок стрелочки, отправляя по две-три копии непонятных сообщений.

где сша ты не видел его он не отвлечат где ты саша стабой саша првпл не могу довониться д саши

Ей приходилось протирать от пота экран. Она промокала его и свои ладони наволочкой и продолжала набирать сообщения всем, кого знала. Ей отвечали, что хз. А потом, она все еще лежала и задыхалась от зла, и отчаяния, и страха — определить пока было нельзя, ей позвонил незнакомый номер и спросил, знает ли она Александра такого-то, и она сказала, что знает, а ей сказали, что вот приезжайте на опознание в морг номер какой-то там, и она спросила что, а ей сказали: да, вот так вот.

Она поехала и посмотрела. Это был он, и у него просто взяло и остановилось сердце, так ей сказали. Сказали, что он упал, куда-то там скатился, а утром его кто-то нашел, и был он уже тогда мертвый, а сейчас совсем уже мертвый, и от нее были пропущенные, вот они и перезвонили, наверное, подумали, жена, раз сер-

дечками обрамлено имя. И один добавил, что он-то, конечно, сразу понял, что она ему никакая не жена, а может, только лишь любовница, потому что жену по имени не запишут в телефонную книжку, напишут просто жена. Но и кольца у него на пальце не было, значит, жены вообще нет, а к кому обратиться, если не к жене, ну и решили, что пофиг, звоним этой, пусть опознает.

До него она долго была одна. Пережила дурацкий и сложный разрыв, никого потом не могла любить (так думала) и влюбилась совсем случайно, в коллегу из другого отдела, который смешно бегал, передавая бумажки, и один раз облился чаем у нее на глазах. Ему было больно, она подошла и пожалела его. Взяла его ошпаренную ладонь и приложила к губам, не целуя, а только чтобы мягкость и влага немного успокоили покраснение. Она даже не подумала сначала, что в этом жесте спрятано что-то.

Они переспали, и в тот вечер она все думала, что ладно, пускай, ведь давно уже ничего такого не было, но, конечно, ничего из этого не выйдет, да и все это странно. Она не доверяла тому, что было спрятано в том касании, и тому, что теперь он прикладывал свои губы к ее ще-

кам так же беспощадно и мягко, словно излечивая ее от воспалений более тайных, чем его ожог кипятком. Но все завертелось и как-то очень стремительно, через два дня и два касания она уже верила. А через две недели она уже у него жила. И когда через месяц все не закончилось, она его полюбила.

Но все равно — теперь закончилось. А она уже любила, и она скрючилась, и ей было плохо. Ее тошнило, знобило, она ослепла ненадолго и перестала чувствовать вкус и запах, потом перестала чувствовать боль в руках, которые очень сильно сжимала и они посинели, потом она попробовала крикнуть, но чем-то захлебнулась, потом ее накачали успокоительными и она утратила себя.

Потом были похороны. Там она познакомилась с его родителями, хотела прыгнуть в могилу, но решила, что для года отношений это уж слишком, и отошла на задний план, дав дорогу всем, кому он был ближе и с кем он был дольше.

На поминках были его друзья и подруги, какие-то сопливые родственники в седьмом колене, маленькие дети бегали и играли в пересчет ног под столом. Общительный был человек, дружелюбный, незлой. Она сидела где-то

с краешку, молча жевала желтый блин с икрой — очень хотелось есть, и обязательно что-то похожее на солнце.

Друзья, молодые мужчины, некоторые опухшие от слез, поминального пьянства и шока, вставали и говорили доброе, пытаются вспомнить, какой Саша был хороший и как он не заслужил эту смерть. Она мысленно щупала пропасть между мирами. Смерть оказалось легко увидеть, но сложно с ней согласиться. Она ковыряла свое солнце из теста, иногда поднимала глаза и видела везде Саш. Саши множились и оплакивали сами себя. Она тряхнула головой. Саши исчезли, остались Паши, Миши, Пети и Вовы.

Паш, Миш, Петь и Вов вдруг окружило странным ореолом, тонким свечением, которое разливалось в ее душе, — больше его, конечно, никто не замечал. Она начала мысленно раздевать их всех, по очереди. Раздела пузатого, волосатого и того обрыгана, который вообще непонятно что тут делал и чей был знакомый — сидел и жрал молча, явно с аппетитом. Она вдруг представила, как он ей отлизывает. Кровать белая как рай. Она кричит. Ей приятно. И как ебется вон тот, что пьет водку и закусы-

вает грибами. Ей так захотелось проверить, она даже подскочила, ударившись об стол, и ушла куда-то, где должен был быть туалет. Кружилась голова, между ног все горело.

В туалете она умылась ледяной водой, пнула мусорку, презрительно посмотрела на себя в зеркало. Потом она ударила себя между ног. А что еще было делать? Она представила, как кто-нибудь обнимает ее со спины, прижимаясь членом к заднице. Она снова ударила себя между ног. Она представила, как садится на колени прямо здесь и сосет член и кто-то стонет. Она снова ударила себя между ног. Ее укачало. Она села на пол и долго плакала. Кто-то взял ее за руку — пожалуйста, не бей меня. Но она ударила снова, и била себя, пока не почувствовала, что засыпает на ходу.

Все было далеко от нее — дальше самых волшебных звезд, дальше магии или бога. Саша больше не придет, ей это так ясно — это так просто. Никогда — непонятное слово, его невозможно представить пока, собственно, не случится никогда. А когда оно случается, все уже пройдено, и остаются только вереница из булавок и булавок, и огромная даль, и Саша из прошлого, вдруг отвратительный в своем никогда. А здесь все такие — живые.

То есть она ощущала с небывалой остротой, что представляет собой тело — и только тело. Что ее душа — тоже часть тела, как рука или почка. Видимое — надкожное — и невидимое сочлись в единстве. Все они хотели заняться сексом — прямо на поминках ее только что умершего парня, с которым она была вместе год, за которого не успела выйти замуж и даже не знала, какова была перспектива их отношений, так была увлечена процессом. Никогда еще это желание не казалось ей таким ненормальным и таким необуздываемым. Она встала и прислонилась промежностью к углу умывальника. Брюки и трусы замялись, вжались в нее. Она задвигала бедрами. Над умывальником висело зеркало — она видела свое лицо, и оно было безумным. Ноги подрагивали одновременно от стимуляции и от ужаса. Наверное, это не я. Я бы не хотела быть мной.

Она отряхнулась и вышла. Кто-то из друзей Саши попытался поддержать ее, взяв под руку, когда она подходила к столу. Она зыркнула на него голодно и тут же опустила глаза. Хотелось домой, чтобы спрятаться от себя, но дома все еще была та простыня, на которой она узнала. Простыня стала сальной, разгладилась, помягчела — и много было в ней жуткого. Снять ее,

скомкать, закинуть в стиралку — так же тяжело, как не снимать, лечь на нее, впиться. Можно я поеду к кому-нибудь в гости, пожалуйста. Я не могу поехать домой, я не могу. И кто-то снова взял ее под руку, повел к выходу, там другая рука перехватила, третья рука открыла дверь машины, четвертая закрыла. Она плохо понимала, что ее увезли домой друзья Саши — Надя с мужем Виктором.

Дома Надя стелила свежую светло-зеленую простыню на диван в гостиной, а она стояла, покачиваясь, думала, что она веточка или мушка с прозрачными крыльями, а квартира цветет и болотится разноцветно, на стенах цветы вылезают из подрамников, жизнь здесь такая свежая, тоже бессмертье своего рода. Она решила и сказала, что с ней происходит что-то странное, что она, наверное, сходит с ума, и, если вдруг у нее слетит крыша, Наденька, Витенька, пожалуйста, увезите меня в дурдом, я не хочу быть вот такая и всех пугать.

Наденька и Витенька уложили ее под одеяло, скутали-спеленали, погладили по плечам. Ничего с тобой не случится. Все проходит и пройдет. Проходит медленно, а когда пройдет, покажется, что быстро. И когда она уснула, ей снилось, что она лежит на светло-зеленой

простыне, а из цветочных горшков то ли лягушки квакают ночным своим распевом, то ли Надя с Витей любят друг друга где-то в темноте. Она не хотела этого слышать, затыкала уши, прятала голову под подушку, а Саша брал ее за шкирку и вынимал. Отнимал руки от ушей, пригвозждал их к дивану и заставлял слушать.

За завтраком злая, почти ожесточенная, она спросила:

— Вы совсем оборзели?! Вы что ебались ночью?!

— Ты что! Нет, конечно! — покраснела Надя.

— А что такого? — уточнил Витя. — Мы вроде тихо. Секс же — лучшее лекарство от смерти!

Надя ударила Витю. Витя не ударил Надю в ответ, а только засмеялся. Он-то был живой. Она смотрела, как он, отгоревав положенное, ел яичницу и кусочки желтка выпадали у него изо рта. Он сгребал их вилкой и пытался доесть все, без остатка. В конце на белой тарелке остался лишь масляный след. Белизна керамики напомнила ей простыню. Она спешно простилась.

Завтра уже возвращаться на работу. Надо срочно влюбиться в кого-то снова, на работе полно, так, может, в того, с пятого этажа, или того, что сидит через стол, или даже, может

быть... Сергей Георгиевич?.. Влюбиться было бы идеальным вариантом. Сделать вид, что они и так собирались расставаться с Сашей из-за ее романа на стороне...

Дома она не разуваясь пошла в спальню и стянула простыню с двухспального ортопедического матраса, который они купили три месяца назад, решив, что жить надо по-королевски, если есть возможность. Теперь она уже не сможет терпеть этот матрас, он мертвый, и простыня, и все здесь тошнотворно и глупо — потому что все умерло. Вина смерти в том, что она тупая. И это так раздражает.

Она пыталась снять простыню на резинке, но та цеплялась то за один угол кровати, то за другой. Она кричала: давай, сука! ну! отцепляйся! Одна подушка слетела на пол, а вторая на тумбочку с кремами в стеклянных баночках, и все покатилося, попадало. Баночка с сывороткой против следов старения разбилась. Простыня, наконец, поддалась. Она заорала. Скомкала простыню, бросила на кровать, пнула, потом залезла с ногами и стала прыгать на этом матрасе, который, их предупредили в магазине, был ну очень хрупкий, бесценный, пружины чуть ли не хрустальные, так что ни в коем случае не прыгать, не дрыгать, лежать ровно, бездвижно. Вот и лежи

себе бездвижно, урод. Как ты мог вот так поступить?! Никогда больше не хочу тебя видеть!

Что-то пришло ей в голову, какая-то идея, как отомстить за тупизну смерти. Она схватила телефон и набрала номер. Очень нужна твоя помощь, приезжай. Срочно. Нужна. Помощь.

Витя приехал обеспокоенный. Все-таки он помнил о просьбе Сашиной девушки упечь ее в дурку в случае чего и, посоветовавшись с Надей, решил, что надо ехать, а то вдруг она уже себе вены режет. Но когда он толкнул дверь после короткого стука, то увидел ее в дорогом и пошлом красном белье и капроновых чулках. Левый немного сполз, правый был слишком высоко натянут, чтобы его не постигла та же участь. Она была карикатурна в какой-то суетливой попытке показаться соблазнительной. Был день, и в квартире, где Витя не раз сидел по ночам с Саньком, распивая коньяк или водку, стоял противный пасмурный полусвет. Он молча смотрел, как она, принявшая решение не до конца, стыдящаяся, переминалась с ноги на ногу. Она тихо попросила его ее трахнуть. Витя отказался. Она ушла в спальню, заперлась.

Витя стал говорить с ней через дверь. Звук голоса тек, как бы струйками тумана пробираясь между стеной и дверью. Он старался, чтобы

туман стал целебным. Слушай, так бывает. Ты прекрасна, но ты же знаешь, что я женат и люблю свою жену. А ты любишь Санька. Я его ненавижу, шептала она. Ненавижу. Я понимаю. Я тоже на него злюсь. Умер как дурак. Да, как тупой говнянский урод. А я теперь всех хочу. Я с ума схожу, понимаешь? Потому что он вот такой вот козел, взял и умер, а мне теперь с ума сходить? Да не сходишь ты с ума. Просто ты хочешь жить, а не знаешь как. Не хочу я жить. Я думаю, хочешь. Не хочу. Хочешь. Хочу. Но чтобы с ним. Придется научиться без.

Он говорил ей о горе то, чего не знал. Он тоже еще никогда никого не терял так неожиданно, так неправильно. Но ему казалось, что утешение важнее правд и что, когда теряешь кого-то так случайно, не знаешь, как справиться. Он вспоминал ее бешеные загравленные глаза, ее полусон и дрожь, дрему бессилия, злость на их глупый секс с Надей, который и случился, наверное, только потому, что они не знали, как еще заглушить свою какую-то неумную боль утраты. Ему было стыдно, хоть он и отшутился тогда. Санек бы его, наверное, ударил за такое. Он бы их всех тут отпиздил, пожалуй. Хотя сам виноват. И вообще, пошел он со своей смертью.

ОГОНЬ

Витя помог ей, когда она переделалась и открыла дверь, прибраться. Он приготовил наскоро яичницу и заставил ее поесть. Желток он оставил мягким, и тот растекся по светлой тарелке. Она ела его, размазывая, и про себя пела, что пусть всегда будет солнце. Витя сказал, должно помочь.